

Бандит
**НОУБЛ
СОЛТ**

ЭМИ
ХАРМОН

AMY HARMON

*The Outlaw
Noble Salt*

ЭМИ ХАРМОН

Бандит
Нодя Солт

Это выдуманная история. Имена,
личности, организации, места,
события и факты — вымысел или плод
воображения автора.

*Это легенда, герои — бандит
Ноубл* Солт и Бутч Кэссиди*

* По-английски имя Ноубл звучит так же, как noble, то есть «благородный» (здесь и далее — примечания переводчика).

НОЯБРЬ 1908 ГОДА

В ПОЛОВИНЕ ВОСЬМОГО Огастес Туссейнт аккуратно развернул газету, как делал каждое утро, и разложил листы по порядку, от самого интересного раздела к самому неинтересному. Свежая типографская краска пахла так сильно, что у него заболела голова. Он порезал палец о край газетной страницы, и выступившая капелька крови оставила следы у заголовков, которые он прочел первым делом, у колонки, посвященной состоянию рынка, — он просмотрел ее, как учил Ноубл, — и, наконец, в разделе некрологов. Смерть как таковая занимала его куда меньше, чем истории умерших. Люди его восхищали.

Он раскрыл раздел «Общество», который очень любил, хотя ни за что не признался бы в этом. Он был знаком с некоторыми из тех, кого здесь регулярно обсуждали, и оттого ему нравилось читать отзывы журналистов. В начале раздела он обнаружил восторженную рецензию на недавний концерт его матери в «Солтере». Маму привычно сравнивали с Дженни Линд, но критик отдавал предпочтение Джейн Туссейнт и ее «менее жеманному стилю».

Больше всего ему понравился такой абзац: «Много лет назад я слышал мисс Туссейнт в Карнеги-холле

и нахожу, что с годами ее великолепный голос стал еще более незаурядным, однако наибольшее впечатление на меня произвела глубокая чувственность и музыкальная выразительность ее пения. Скромный соловей превратился в певичку высшей пробы. Песня “Ох, плачь же, плачь же” в исполнении Джейн Туссейнт тронула меня до слез».

Маме эта часть тоже понравится, хотя она и скажет, что никто не поет лучше, чем Дженни Линд.

Статья, от которой его сердце застыло в груди, была напечатана как раз под линией сгиба, на десятой странице. Не на первой полосе. И даже не на второй. Она целиком поместилась бы у него на ладони. В первый раз просматривая газету, он вообще ее пропустил: обычно он заглядывал сюда, в конец, лишь напоследок. Заголовок, набранный крупным шрифтом, гласил:

В ХОДЕ ПЕРЕСТРЕЛКИ В БОЛИВИИ ПОГИБЛИ АМЕРИКАНСКИЕ БАНДИТЫ.

Его взгляд лихорадочно поскакал по строчкам, в отчаянном неверии выхватывая отдельные слова, и он с трудом заставил себя прочесть все, от начала и до конца.

Сан-Висенте. Представители боливийских властей в районе города Сан-Висенте сообщают, что 6 ноября 1908 года вступили в перестрелку с двумя мужчинами, предположительно знаменитыми бандитами Бутчем Кэссиди (настоящее имя — Роберт Лерой Паркер) и Гарри Алонсо Лонгбау по прозвищу Сандэнс-Кид.

Преступников считают виновными в вооруженном ограблении курьера, доставлявшего зарплату сотрудицам

горнодобывающего предприятия, поскольку их заметили верхом на муле курьера. Местные власти связались с расквартированным поблизости кавалерийским отрядом. Кавалеристы быстро прибыли на место и окружили глинобитную хижину, где скрывались бандиты. Последовала затяжная перестрелка, по окончании которой представители властей несколько раз призывали преступников сдаться, но не получили ответа, а когда вошли в хижину, оба мужчины уже были мертвы.

Лонгбау получил несколько пулевых ранений в руки и одно в голову. Кэссиди был найден в соседней комнате, он погиб от выстрела в висок и сжимал в руке револьвер. Власти предполагают, что он покончил с собой.

Национальное детективное агентство Пинкертона много лет выслеживало преступников, которых обвиняют в многочисленных ограблениях банков и поездов на американском Западе.*

Недавно агенты Пинкертона получили наводку из Боливии и распространили там фотографии американских бандитов. Власти этой страны уверены, что им удалось предать правосудию двух вооруженных и опасных преступников. Руководитель детективного агентства Роберт Пинкертон заявил по этому поводу: «Кэссиди оставался самым хитрым и отчаянным бандитом нашего времени, и я рад, что теперь его беззакониям пришел конец. Это были дурные люди. Они не были героями. Они грабили, запугивали и убивали, и потому после их гибели жизнь в нашей стране и в мире станет лучше и безопаснее. Их не будут оплакивать».

Огастес поднялся и, скомкав газету, прижал ее к груди, чтобы снова не читать эти строки. Отодвину-

* Американское детективное агентство, основанное в Чикаго в 1855 г. Аланом Пинкертоном.

тый стул с грохотом упал. Огастес шагнул в сторону от стола, но перед глазами поплыли темные пятна, и он, оступившись, упал на колени. Нужно спрятать статью, пока мама не увидела. Он сожжет газету, и она никогда ни о чем не узнает. Или... хотя бы не узнает сегодня.

— Огастес? — окликнула мать из-за двери. — Ты не поранился?

Он утер нос рукавом и смахнул слезы, мешавшие ясно видеть, но на их место тут же набежали новые. Он поднялся, кинулся к печке, трясущимися руками открыл дверцу и сунул газету в огонь.

Их *будут* оплакивать. По ним будут скорбеть.

— Огастес?

В мамином голосе слышалась тревога, но он не мог ее успокоить. Он мог лишь смотреть, как огонь пожирает газету, и мечтать, чтобы часы снова показывали лишь половину восьмого утра.

*Жизнь в этой стране
Не станет лучше без них.
Станет лишь хуже.*

1

*Ты знаешь, кто я?
Лучше забудь обо мне,
Я вне закона.*

СЕНТЯБРЬ 1900 ГОДА

УТРОМ В ЧЕТВЕРГ к Орландо Пауэрсу явился неожиданный посетитель. Пауэрс сидел в своем кабинете в Солт-Лейк-Сити у окна, из которого открывался вид на мормонский храм в центре города. Его усердный помощник Уэстон Вудрафф только что ушел по делам, и судья был один. Едва пробило десять, но по-летнему назойливая жара уже вынудила его снять пиджак и расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки.

Он услышал, как распахнулась входная дверь и кто-то вошел в приемную, но дверь его кабинета была закрыта, и он решил притвориться, что его нет. Посетителей он не ждал и собирался готовиться к суду, назначенному на после обеда.

Входную дверь притворили и заперли изнутри на засов, и Орландо, вдруг покрывшись испариной, в испуге вскочил. Он сорвал с крючка свой пиджак и непослушными пальцами застегнул пуговицу на рубашке. Большинство его клиентов никакой опасности не представляли, но все же порой ему приходилось работать с отъявленными негодьями.

— Мистер Пауэрс? Уделите мне минуту? — слышалось из-за двери. В голосе говорившего не было и тени сомнения в том, что Пауэрс у себя.

Набрав побольше воздуха в легкие и не выпуская из рук заряженного пистолета, Пауэрс предложил незваному гостю войти. Конечно, времена менялись, но Запад по-прежнему оставался диким.

Позже Орландо придет к выводу, что бандит наблюдал за зданием, ожидая возможности проскользнуть внутрь незамеченным, явиться без доклада. И все же выглядел он безупречно. На нем был дорогой серый летний костюм и темная шляпа, на красивом лице — ни пылинки, ни капельки пота. Даже если он долго ждал на улице, по нему этого не было видно. Судья вдруг резко дернулся, словно очнувшись: он понял, кто перед ним.

— Вы знаете, кто я, мистер Пауэрс?

В вопросе не слышалось ни угрозы, ни высокомерия. Судья почувствовал, что посетитель не хотел называть своего имени, если только это возможно.

— Вы Бутч Кэссиди?

Орландо видел циркуляр, висевший во всех городских учреждениях, — агентство Пинкертон разослало его по стране. Хотя они прежде и не встречались, судья представлял интересы нескольких соратников Кэссиди, и все они утверждали, что их счета оплачивает человек, стоявший теперь перед ним.

Орландо махнул рукой на стул по другую сторону от своего письменного стола, и мужчина, так и не ответив на его вопрос, снял шляпу. Зачесанные назад пряди лежали волосок к волоску, но были чересчур длинными и выгоревшими на солнце: сразу ясно, что он не предприниматель и не состоятельный бездельник. Но щеки у него были чисто выбриты, а ногти аккуратно подстрижены. Он явно готовился к этой встрече, и Пауэрс на мгновение за-

думался о том, где он мог остановиться. Солт-Лейк-Сити кишел доносчиками и лицемерами.

— Слышал, вас выбрали судьей, — сказал Кэссиди.

— Так и есть. Я принял присягу месяц назад.

— Значит, вы больше не берете дела?

— У меня есть сотрудник, который помогает, если возникает конфликт интересов. Но все мои старые дела и клиенты остались при мне. Я по-прежнему адвокат.

— Возможно, я захочу вас нанять, — сказал Кэссиди. Он так и не сел.

— Для чего?

Пауэрс пока не собирался ни на что соглашаться.

— Не узнаю, пока мы не поговорим. Но это займет не больше получаса. У вас есть время, мистер Пауэрс?

— Есть.

Кэссиди вытащил из бумажника пять долларов:

— Этого хватит, чтобы беседа осталась между нами?

— Хватит.

— Мне нужно что-нибудь подписать?

— Мы просто беседуем.

— С глазу на глаз.

— Именно так, — подтвердил Пауэрс.

Бандит сел, и судья наконец снял палец с курка.

Кэссиди не ходил вокруг да около и не тратил времени на досужие разговоры. Казалось, он заранее обдумал, что скажет, и сразу кратко изложил суть дела:

— Я хочу сдатьсь.

Пауэрс почувствовал, как рот у него раскрылся. Кэссиди выждал, пока он совладал с собой, и не стал ничего прибавлять к своему ошеломляющему заявлению. Пояснять свои слова он не спешил.

— Н-но... почему? — выдавил Пауэрс.

— Я устал. Хочу, чтобы меня оставили в покое. Хочу жить другой жизнью, не той, что прежде. Начался новый век. Когда я был ребенком, я и говорил как ребенок, я и мыслил по-детски, и рассуждал по-детски. Но когда я стал взрослым, то оставил все детское позади*.

Орlando Пауэрс почувствовал, как рот у него снова раскрылся. В Юте многие цитировали Писание. В конце концов, штат строился на религиозном фундаменте. Но то, что Бутч Кэссиди цитировал Послание к коринфянам, изумляло не меньше, чем его желание сдаться.

— Вы пришли к Господу, мистер Кэссиди?

— Нет, сэр. Но я не слишком усердно искал к нему путь.

— Значит, вы хотите сдаться. Для этого адвокат не нужен. Нужно просто прийти к шерифу, тут недалеко, и сказать, кто вы такой. А дальше они справятся... Но я вам не советую так поступать. Жизнь ваша после этого не просто изменится. Она окончится.

— И тогда на сцену выйдете вы, — парировал Кэссиди. — Пусть предъявят улики. Пусть докажут, что я действительно виновен. Не думаю, что они смогут. Я никому не навредил. Людей, которым я помог, больше, чем тех, кого ограбил. Я брал у богачей, у денежных мешков, которые легко могли бы не скупиться, но отчего-то скупаются. Я беру у компаний, обеспеченных и охраной, и страховкой, у тех, кому платят вне зависимости от того, ограбил я поезд или нет.

— Такова ваша репутация, — согласился Пауэрс. — Но лишь простой народ восхищается Робин

* Первое послание к коринфянам, 13:11.

Гудом. Богатеи его недолюбливают. Ваши дела влетели им в копеечку, а другие бандиты стали повторять за вами. Вы знаменитость. О вас пишут в книжках. Вы знали? На прошлой неделе я нашел у сына целую кипу этих ковбойских историй. Он бегаёт по улице, обмотав лицо платком, и машет палкой, словно это ружьё. И просит звать его Кид Пауэрс.

— Что за истории? — Бутч Кэссиди явно не понимал, о чем говорит судья.

— Ну, знаете, десятицентовые брошюры, которые продаются в каждом магазине вместе с газетами. «Приключения Малыша Библи», «Уайетт Эрп и ковбой», «Энни Оукли и Буффало Билл».

— Я теперь не слишком много читаю, — тихо произнес Кэссиди, словно не он только что цитировал Библию. По шее у него расплзлось темно-красное пятно. Он прочистил горло, а потом вытащил из нагрудного кармана небольшую книжечку, аккуратно раскрыл и положил на стол перед Пауэрсом. — И пишу мало. Но я записал, в чем, насколько мне известно, меня обвиняют. Составил список. Вы сможете узнать, нет ли против меня других обвинений? Я пометил происшествия, о которых и знать не знаю.

Он подтолкнул книжечку к Пауэрсу. Почерк был аккуратный, записи, сделанные одними заглавными буквами, занимали целый разворот и ещё страницу. Почти на каждой строчке стояла маленькая галочка. Пауэрс с минуту изучал записи. Что-то сразу бросилось ему в глаза — громкие нападения на поезда, ограбления банков по всему Западу, от Уиннемакки* до Санта-Фе**. Кое-где Кэссиди приписал место и

* Город в штате Невада.

** Город в штате Нью-Мексико.

дату, на других строчках никаких подробностей не было.

— А что со строчками, на которых пометки нет? — спросил Пауэрс.

— О них я, возможно, кое-что знаю.

— Но вы ведь сидели в тюрьме в Вайоминге за конокрадство? А здесь этого нет.

— Полтора года. Но я не крал ту лошадь.

— Что же случилось?

— Случились пастбищные войны. Богатые скотоводы из Вайоминга не захотели делиться с переселенцами и мелкими фермерами. Я работал на ранчо, мой хозяин пришелся им не по нраву, и я поневоле тоже оказался замешан. Я вроде как встал у них поперек дороги, и они заявили, что я конокрад, хотя ту лошадь я купил по всей честности. Они приплатили кому надо, и я оказался в тюрьме.

— А Теллурайд...^{*} Ведь там вы впервые ограбили банк? Еще до того, как украли лошадь...

— Я ее не крал.

— Власти сообщали, что вы забрали из банка Сан-Мигель-Вэлли двадцать тысяч долларов.

— На этой строчке пометки нет, мистер Пауэрс. — Кэссиди постучал пальцем по своей книжечке.

— То есть это правда?

Бутч Кэссиди спокойно встретился с ним взглядом, но на вопрос не ответил. Хорошо, что пинкертоновский циркуляр черно-белый. Глаза у бандита были пронзительно-голубые.

— Мистер Пауэрс, как я уже сказал, они вряд ли сумеют доказать это. Или что-то еще. Я не сделал почти ничего из того, что мне приписывают. Бутча

^{*} Город в штате Колорадо.

Кэссиди и Дикую банду обвиняют всегда и во всем, вот только я, ей-богу, мало в чем таком участвовал, да и Дикая банда больше... не банда.

— Элсуорт «Элзи» Лэй ограбил поезд в Фолсومه и убил тамошнего шерифа. А он ведь из ваших, так?

— Я к этому не имею отношения.

— У шерифа остались жена и двое ребятишек. Мистер Лэй отбывает пожизненный срок.

Кэссиди опустил глаза, хотя Пауэрс и не понял, кому он сочувствует — вдове или своему товарищу, до которого дотянулась рука правосудия. А может быть, обоим?

— Я к этому не имею отношения, — повторил Кэссиди, и Орландо Пауэрс почувствовал, что верит ему, хотя это и не имело значения.

— Это неважно, мистер Кэссиди, — произнес он мрачно, но в то же время сочувственно.

Бутч Кэссиди склонил голову вбок, ожидая, что еще скажет судья.

— Неважно, в чем вы правда замешаны, а к чему и близко не подходили. Даже если вы невинны, как сам Христос, это все равно не имеет значения. Железнодорожники заставят вас заплатить. Так же, как заставили те скотоводы.

— Почему? — спросил Кэссиди.

Судья посчитал, что бандиту лет тридцать с небольшим, но этот короткий вопрос прозвучал так жалобно, словно Пауэрс разговаривал с мальчишкой.

— Чтобы вы стали для всех примером. Вас считают мозгом банды. Ее лидером. С вами расправятся по всей строгости, чтобы никто больше не смел делать того же, что вы. Чтобы стереть этот бандитский лоск с историй о ковбоях. Нельзя безнаказанно грабить шахтеров, банки и поезда. Вас осудят. Так

же, как осудили в Вайоминге из-за лошади, которой красная цена пять долларов. Найдут свидетеля — да что там, толпу свидетелей, которые покажут, что видели вас с Элзи Лэем в Нью-Мексико и что вы лично грабили поезд и стреляли в шерифа. Только вчера на ветке у холмов произошло очередное ограбление — бандиты остановили пассажирский поезд и обобрали всех, кто в нем ехал, и я уже слышал, что сделали это вы и Сандэнс-Кид.

— Это был не я.

— Нет?

— Не мой стиль. И потом, меня бы сейчас здесь не было.

— Неважно, — снова произнес Пауэрс. — Если вы сдадитесь и попыгаете добиться справедливости в суде, обвинение сфабрикует против вас все необходимые улики. И я не смогу вас уберечь.

Бутч Кэссиди долго молчал, глядя в стену, обдумывая эти слова. Пауэрс вновь поймал себя на мысли, что у бандита удивительные глаза — глубоко посаженные, широко расставленные, они будто бы прятались за скулами, как полумесяцы за далекой грядой холмов. Темные, длинные, густые ресницы обрамляли их подобно эффектной рамке. Квадратное лицо было загорелым, и на этом фоне глаза горели еще ярче, а белые зубы сверкали еще сильнее. Если он надеется ускользнуть от правосудия и избежать виселицы, ему придется изменить внешность или уехать так далеко, как только можно.

Наконец Кэссиди кивнул. Судья не заметил в его лице ни гнева, ни горечи, но плечи его чуть поникли, как будто груз прожитых лет вдруг стал тяжелее.

— Вы не откажетесь от дела моего брата? Он слишком молод для срока, который ему присудили. И уже достаточно отсидел.